

Дмитрий Смолянинов

ГРЯЗНЫЙ КОРОЛЬ
И ЧИСТЫЙ ЧЕТВЕРГ

Сборник из пяти
рассказов

Дмитрий Смолянинов

**Грязный король и чистый четверг.
Сборник из пяти рассказов**

«Издательские решения»

Смолянинов Д.

Грязный король и чистый четверг. Сборник из пяти рассказов /
Д. Смолянинов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852724-1

В плену этой книги томятся пять коротких историй. Они были написаны в совершенно разное время. Они повествуют о разном. Но почему же они здесь? Почему вместе? Кто, соединив неподходящие априори друг другу кусочки пазла, создал всю эту безумную картину? Кто, заточив в бумаге и двоичном коде рвущиеся наружу идеи, подарил жизнь таинственному Увтсрадусог?

ISBN 978-5-44-852724-1

© Смолянинов Д.
© Издательские решения

Содержание

Ванна после короля	6
Ядерная пыль	9
20:48	9
21:22	10
23:05	11
00:37	12
00:24	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Грязный король и чистый четверг

Сборник из пяти рассказов

Дмитрий Смолянинов

© Дмитрий Смолянинов, 2017

ISBN 978-5-4485-2724-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ванна после короля

– За что? – пытался скрыть в голосе дрожь, но это было невозможно.

– Ищешь причинно-следственные связи? Здесь? – она ткнула указательным пальцем туда, где у неё, в теории, находилось сердце, а после – все тем же пальцем покрутила у виска.

Будто длинная очередь из детей, таких разных, но одинаково трясущихся от страха перед впивающейся в плоть острой иглой, поблескивающей в мерцающем свете лампы этого злощастного кабинета... Слова в духе «охватить всю очередь взглядом не представлялось возможным» будут ложью. Ложью, потому что там, в конце вытянутого, как змеиное нутро, извилистого коридора, уже виднелась белая дверь. Очередь, пусть медленно, но все же – двигалась.

И лишь я не хотел верить в то, что это когда-нибудь закончится. Даже когда меня ткнут носом в потрескавшуюся сухую краску на двери, я (закрыв глаза, разумеется – человеческие глаза обладают поразительной способностью разъесть надежды и убеждения не хуже, а то и лучше серной кислоты) буду искренне верить в бесконечность змеи, частью которой являюсь, и в то, что найду за дверью лишь чешуйчатую голову, плавно перетекающую в хвост.

Но за дверью был он: грязный как чёрт хнычущий взрослый ребёнок. Чёрная вода капала с него, забирая с собой тепло морщинистого старого тела. Его увели, а мне протянули руку и, с силой схватив мою, втянули внутрь кабинета.

Порядок всегда был одним и тем же: первым в теплую, пока ещё, воду опускался толстый король. Он погружался так глубоко, что над водой оставалась одна только поблескивающая лысина, а корона казалась непреступными каменными стенами Кремля, окружающими со всех сторон этот безобразный безволосый холм. Королева, ещё толще, будто нарисованная кистью фанатичного до кругов минималиста, с горем пополам влезала в эту ванну следом. Вода к тому времени становилась холодной, на ее зеркально чистой поверхности появлялись первые паутинки грязи. Грязь напоминала акул плавник, предвещающий появление хищника и разрезающий водную гладь, как нож разрезает масло.

Дети... Да, дальше определённо были дети. Смазанные лица, пребывающие в постоянном движении – зыбкие пески без намека на твердь, на устойчивость, на постоянство. Кабинет наполнялся визгом, в нем не было места ни восторгу, ни негодованию. Визг был пороссячим.

После были слуги. Бесчисленные, почитающие за честь тонуть в этом липком дерьме под одобрительные возгласы толпы. Нагое тело обволакивали клочки волос и кусочки королевской кожи, лед вгрызался в безвольное вяленое мясо.

Великая благодать и великое очищение.

– Ванна «для» короля?

– Ванна «после».

И весь город как на ладони. Мороз – заключенный, пленник улиц, вырезает грязными ногтями узоры на оконных стеклах в ожидании своего освобождения. Улочки и сами походят на эти безумные ветвеватые узоры. Сотни, нет – тысячи крошечных людей, людей-муравьев, блуждающих в лабиринте. Сотни... нет... Тысячи дорог, и все ведут в Рим.

– А в Риме – ванна. Старая байка.

– Байки становятся реальностью.

– Какой мне от этого прок?

Мороз трепал её волосы. Мороз вождедел.

– Хочешь принудить меня?

– Разве к этому можно принудить?

– Ну их же удалось... – кивок в сторону двуногих муравьев.

- Их никто не принуждал. Они пошли сами.
- Почему?
- Потому что только так они могут прикоснуться к воде.
- И что это, по твоему, если не принуждение?
- Осознанный выбор.
- Смешок. Она всегда была волюнтаристкой.
- Выбор? Между чем и чем? Жить непризнанным или быть признанным, но не жить?
- Это лучше чем ничего.
- Нет. Лучше – ничего.
- Волюнтаризм и радикализм... Гремучая смесь.

Строчки. Сначала – отсеченные, разбитые на куски, будто их казнили, четвертовали. Их меняли много раз. Чернила поверх чернил. Она – их автор? Соавтор? А может – я просто использовал её, когда писал? Иллюзия неиссякаемости источника вдохновения, пересохшего колодца, в котором воды – на самом дне, и каждый божий день она обращается в пар, черным смогом валит из этого каменного дымохода, окруженного безжизненными песками. Глупо, что она есть. Глупо и прекрасно. Муза? Муза.

*«Сделанный
На совесть...
Работает
На совести —
На топливе.
Возможности
С машиною сравнения
Не исчислить.
Для гордости
Нет повода.
И пусть без должной
Ловкости
Ума, но в общей
Сложности,
Пред нами предстает:
Человек – машина.
Человек – машина.
Металл обтянут
Кожей.
Он лезет вон из
Кожки,
Что б казаться
Непохожим.
Чувствуя себя
Вельможей,
Иль монархом, что средь
Ложки,
Умирая, завещает сыну
Строже
Быть с народом, где поодиночке
Каждый из них —
Человек – машина.*

Человек – машина...»

Мне суждено стать Их частью. Частью короля, королевы, слуг, которым так и не дали шанса, детей, которых так и не нарисовали. А она останется здесь. Останется смотреть на муравейник.

Обществом порицаемая, с ледяной королевской водой незнакомая.

Ядерная пыль

20:48

Я знал, что будет темно, но не думал, что будет **так** темно.

Ха. Это даже забавно – не слышать собственный голос. Так непривычно... Вы ведь прослушиваете меня, да? Что ж, это к лучшему. Вы наверняка хотите знать, почему я здесь. Хотите знать, по какой причине человек с Ценностью Для Социума под девяносто процентов пожелал вдруг «вырезать» себя из этого самого социума и подписал себе смертный приговор. Ждёте объяснения моих странных прихотей, потакая коим, жители нашей великой страны ослепили и оглушили меня, ввели в тело парализующий токсин и оставили здесь умирать.

Понятия не имею, где это «здесь». Это может быть огромный зал с множеством таких же, как я – мы всё равно не услышим друг друга. Это может быть тесная коморка со спертым воздухом. Когда придет время, вы просто нажмете одну из миллиона кнопок на панели, подача кислорода прекратится, я задохнусь и умру. Если так, то, прошу, не делайте этого прямо сейчас. Дайте мне время. Ради времени я сюда и пришел.

21:22

Ух ты! Я всё ещё жив! Потрясающе. Ни ядовитого газа, ни недостатка кислорода. Вы приятно радуете меня... Кем бы вы ни были. Хочется верить, что там, за бесконечными стеклянными линзами камер слежения и квадратами кристаллических мониторов, в вас и впрямь проснулась толика любопытства.

Знаете, ни один из этих бесконечных секретарей или хирургов никогда не спрашивал меня о причине. Апопто-гражданам нет места на войне великой страны с врагами Отечества!

Любопытство? Нет, самое искренне презрение застывало на их лицах, но лишь на одно мгновение. Потом передо мной появлялась стопка бумаг, которые необходимо было подписать. Полисы, бланки, свидетельства и согласия.

Нескончаемая макулатура, и всё – в ядерной пыли.

23:05

Вы тоже верили в их детские сказочки? Про замкнутый круг без выхода, про пассионарную теорию, про вечное стремление к идеалу. Они говорили нам: «В тот день, когда утопия будет достигнута, мы уже отыщем в ней недостатки и будем стремиться к сверх-утопии. Этот цикл вечен, нет, и не будет в сознании людей такой идеи, на реализацию которой хватит ресурсов и при этом она будет совершенна». Промывка мозгов и не более, уверяю вас...

Сколько раз они показывали вам фокус? Трусливые политиканы, ведущие за собой под гимн великой страны миллионы таких, как вы, готовых грызть, рубить, колоть во имя... Чего? Выжженной радиацией земли, на которой уже никогда ничего не будет создано? Жизни – не мечты, но отдалённо её напоминающей? Вопль «Ура!», звук титановых дверей, захлопывающихся за спинами политиканов, ослепляющая вспышка. Сценарий всегда один и тот же.

А мгновение спуска зерна и плевелы, человеческий прах и ядерная пыль, опускаясь с небес, будто снег – в рождественскую ночь, аккуратно ложатся на стопку деловых бумаг. Абра-кадабра!

Признайте, вы всегда любили этот фокус.

Признайте, вы всегда хотели разгадать его секрет.

00:37

Все люди – жалки. Главное доказательство – насколько же рьяно они оспаривают факт того, что все люди – жалки. Просто из кожи вон лезут.

Представь, что люди... Не против, если я перейду на «ты»? Так вот, представь, что люди – некий минерал. Я склонен думать, что это – lapis philosophorum. Да-да, тот самый философский камень. Сам посуди, человек обладает сознанием и удовлетворяет потребности, исполняет мечты – семьи, общества, государства. Пятый элемент ближе всех подошёл к этому описанию.

Lapis philosophorum создали искусственно, а значит – с определённой целью. Он в состоянии познать самые сокровенные желания, стремления, а значит – саму суть всех, кто его использует. Вот только в состоянии ли он познать себя?

Почему человек никогда не выбирает для себя простых целей? Почему бы не мечтать о чем-нибудь приземленном и бытовом? Потому что обточенный в пламени пороков, страшнейший из которых – фантазия, философский камень жаждет обрести самосознание. Понять, кто есть он сам, для чего служит и чего хочет. Вечное и недостижимое.

Но общество и государство сумели убедить человека в том, что на самом деле он – никакой не магистерий, а простой пластилин. Пластилин, на который должны надавливать все вокруг – любимые и друзья, секретари и хирурги. Все разом надавят с такой невообразимой силой, что обязательно выйдет что-нибудь путное. Шар ли, блин ли, колбаса ли – что выйдет, тем и будешь. И человек вдруг стал счастлив. Он обрел смысл. Он познал себя. Он достиг недостижимого.

Ха...

00:24

На секунду мне показалось, что я и впрямь вновь чувствую их. Руки. Ноги. Легкое покалывание по всему телу.

Говорят, ампутированные конечности зачастую могут напоминать о себе – врачи именуют этот феномен «фантомные боли». Интересно, а данный термин применим к социуму в целом? Фантомная свобода, к примеру... Очень точно описывает то состояние, которое я сейчас испытываю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.